

4. Оккамистское движение

бурно эта новая философия пускает корни и развивается в Парижском университете, прежде всего на факультете искусств. С 25 октября 1339 г. учение Уильяма Оккама стало там объектом осуждения; наблюдатели этого осуждения полагают, что его изучали там в частных собраниях (*conventicula*) и даже начинали преподавать; 29 декабря 1340 г. запрещается некоторое число оккамистских и номиналистских тезисов. Но как всевозможные запреты не помешали триумфу Аристотеля в предшествующем столетии, так и осуждения, объектом которых стало учение Оккама, не мешают этому учению утвердиться в Париже на период в 150 лет после смерти своего основателя.

О быстром распространении оккамизма говорит тот факт, что в сочинениях английского францисканца Адама Вудхема (ум. в 1358), английского доминиканца Роберта Холкота (*Holkot*, ум. в 1349) и даже Григория из Римини, генерала Ордена августинцев*, имелись признаки его влияния. Вспоминая эти имена, тем не менее важно сознавать, что здесь мы вступаем в малоизученную и крайне сложную доктринальную область, о которой известно по меньшей мере лишь то, что термин «номинализм» совершенно недостаточен для ее определения. Успех оккамизма в немалой степени объясняется тем, что он давал выход некоторым формам теологической мысли и религиозного чувства, отвергнутым великими синтезами XIII века, а в нем нашедшим оправдание и опору. Недоверие, вызванное злоупотреблением философией в теологии, глубоко укоренилось у определенной группы теологов, среди которых достаточно великих имен, но их реакция, казалось, была проявлением лишь чисто негативного отношения. Огульное отрицание философии на практике стало энергичным отказом от нее, но в спекулятивном плане оказалось слабым. А оккамизм давал мощные и хорошо связанные друг с другом основания не подвергать божественную сущность умозрительному анализу естественного разума. В одном из своих самых

глубоких аспектов номиналистское движение предстает как реакция против компетенции метафизики в богопознании. Поэтому не стоит удивляться, когда мы увидим, как в глубоко религиозных душах это движение соединилось с живой заботой о духовности или даже о мистике, расцвету которых оно предоставило полную свободу.

Оккамизм был готов ко многим и разнообразным союзам, иногда неожиданным, но тем не менее объяснимым. Лишив теологию ее схоластических успехов, Оккам взял на себя право вернуться к отцам Церкви, хотя и толковал их на собственный лад. В самом деле, он нередко обращался к ним с целью показать, что в их теологических системах нет ни одного из тех различий, которые считало необходимыми большинство теологов XIII века. Возвращение к отцам Церкви предполагало, в частности, благоприятное отношение к св. Августину. Августиновское влияние явно дает о себе знать в ходе теологических споров по проблеме оправдания, которые отныне разворачивались непрерывно вплоть до Реформации и после нее. В сфере, менее удаленной от собственно философии, мы увидим возврат к августиновской доктрине — которая, впрочем, никогда не была полностью отвергнута, — о радикальном тождестве души и ее способностей. Желание вновь найти в человеческой душе образ «триединого» Божества всегда благоприятствовало подобной психологии. На упомянутую доктрину станут охотно опираться для того, чтобы утвердить глубокое единство интеллектуальных операций и воли вплоть до их смешения порой в одном неделимом акте. Так что представляется необходимым подтвердить точное замечание К. Михальски, что терминизм Оккама был не единственным источником